

Е. Г. Боронина

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМИЦКО-ТРОИЦКОЙ ОБРЯДНОСТИ ВОСТОЧНОГО ПОДМОСКОВЬЯ

Многие исследователи отмечают в архаичных культурах их целостность, «нерасчлененность» знаковых систем, наличие единой и общей системы значений [1,3]. В календарной обрядности составляющие обряд знаковые системы проявляются в единстве множества компонентов: смыслового, речевого, музыкального, пластического, предметного и т.д. Поэтому «суммарное описание самих обрядов» (К.В. Квитка) наряду с выявлением характерных черт отдельных составляющих компонентов должно предупредить песенный материал и его анализ.

Семицко-троицкая обрядность Подмосковья пока остается малоизученной¹. Предмет нашей статьи составляют песни, ее озвучивающие. Их специфика во многом определяется локальными особенностями семицко-троицкого комплекса, в котором отмечены три основных этапа: Семик, Троица и Духов день.

В нашем распоряжении имеется достаточно обширный, нередко уникальный материал. Таковым, несомненно, является архаичный элемент «зелёных святок» Подмосковья — поздравительный обход дворов на Троицу с украшенной березой и исполнением обрядовых песен, имеющих характер благопожелания и заклинания. Этот обряд до сих пор бытует в Восточном Подмосковье. Ареал его распространения — ряд деревень Гуслицкого региона со старообрядческим населением².

Так, подмосковный Семик как девичий праздник отмечен архаичными, достаточно широко представленными в среднерусской обрядности элементами: завиванием березы, шествием с березой, гаданием на венках, кумлением, совместной трапезой, хождением в рожь и др.

Практически все из перечисленных элементов представлены в описании Семика, данном К.И. Урусовой (1906 г.р., д. Обухово)³. «В этот день (на Семик. — Е.Б.) приходим мы в лес с узелочками. Там хлебушек, соль и яичко. Надо нам выбрать берёзку, чтобы она была такая сильная, повыше и сучков

много. Подходим мы к этой берёзе, сучок с сучочком закручиваем. Вынаем из сумочки яичко и через веночек три раза обкручиваем. Все так сделали и все на одной берёзе, и начинаем:

Завивайся, берёзка,
Завивайся, кудрява,
Мы к тебе пришли,
По яичку принесли,
По пшеничку,
По драченичку,
По кувшину молока,
На закуску — пирога.
А еще пирог
Мы разрежем поперёк.

— Это мы должны три раза у берёзе спеть...»

Приведенная цитата не содержит лишь прямых сведений о кумлении. Хотя, возможно, обкручивание яичка вокруг березового веночка и есть остатки архаичного обряда.

Его лаконичное описание зафиксировано нами в д. Глебово, где кумление соединялось с завиванием березы: «Детями были мы — берёзку завивали, делали такое колечко, берёзку с берёзкой в колечко: “Кума, кума, дай яичко. Кум, кум, дай яичко”. Кумились».

— Когда завивали что говорили?

«Ты завейся, берёзка,
Ты завейся, кудрява.
На тебе, берёзка,
На тебе, кудрява...

— Потом кумились, яички били, яички кукушке оставляли...»

Что касается специфики празднования Семика в этом регионе, то, пожалуй, можно назвать интересный местный обычай чествования женщинами пастуха: «...в четверг, когда “кумушку” завивали, в обед ходили к пастуху доить коров и ему несли яички, пироги в корзинке или полотенце» (д. Субботино). В д. Обухово пастух одаривали рубашкой (или материей), устраивали совместную трапезу под березками. Обращает на себя внимание ритуальный характер шествия-пляски в этом обряде: «а мы с берёзками — в деревню и плясали: “Завивайся, березка”. Баушка полденкой⁴ машет, пляшет, молоко льется... Это день бабий, коровий».

Один из самых почитаемых в Подмосковье праздников — Троица: «Троицу отметить надо. Бог любит Троицу» (д. Власово). До сих пор окна домов украшают молодой зеленью березы, которую не ломают до Троицы, «...а то зуд

привяжется, поп окропит, тогда можно» (д. Власово). Вот как это выглядело раньше: «Всё разукрашивали берёзкой. Веточки в доме в каждый угол и над дверью... На дворе целые берёзки по углам ставили, колодец украшали, ворота, окна... Составляли берёзками кружок, в середину стол и гуляли...» (д. Субботино).

В наших материалах часто упоминается праздничное застолье с пением песен, не имеющих отношения к троицкому обряду. Встречаются отдельные сведения о завивании венков, бросании их в воду и гадании на них, хороводах⁵, шествии с берёзкой, ее потоплении, ряжении и кулачных боях.

Духов день в троицкой обрядности отмечен как этап развития березки: «На Духов день баушка опять по яичку сварит, мы должны сходить к этой березке, расплесть. Опять собираемся, сколько нас было и по яичку опять съядим. И разматываем, чтобы колечков не было. И тогда уже “Развивайся, берёзка” поем...» (Урусова К.И., д. Обухово)⁶.

Кроме того, немало сведений о том, что «на Духов день окатывали водой. Считалось — это хорошо, неприятности уносит, к прибыли, коли обольют как следует» (д. Коробовская).

Праздничный обход дворов, который мы наблюдали в гуслицком регионе — явление сугубо специфическое для семицко-троицкой обрядности. Цель его — поздравление с праздником и сбор подаяния (продуктов для последующей совместной трапезы). Зафиксирован он только в описываемом регионе⁷. Ранее праздничный обход совершался на Семик, в наши дни исполняется утром на Троицу.

Вот как это выглядело в 1996 году в д. Ковригино: нарядные дети (три девочки) подходили к воротам дома. Большую украшенную ветку березы держала старшая из них, энергично приподнимая и опуская ее в такт скандируемому (выкрикиваемому) тексту:

Ах ты, кумушка,
Ты голубушка,
Ты к нам пришла,
По яичку принесла,
Хлеба по кусочку,
Блинца по блиночку.
Где кум прошел —
Там овёс взошел,
Где кума прошла —
Там рожь взошла.
Кума мылица купила,
Кума рылица умыла,
Кума, мойся белей,

Кума, будешь веселей.
Пода-а-айте под кумушку!

Хозяева угощали детей конфетами, пирогами. Дары складывали в большую сумку, и группа направлялась к следующему дому. В завершении «хождения с кумушкой» все пили чай у одного из ходоков.

Рядом, в полутора километрах, расположено село Саурово. Текст «кумушки» здесь другой, хотя порядок исполнения обряда совпадал:

Кума, кума,
Расти больша,
Приземиста,
Прикуремиста,
Где девки шли —
Там цветы взошли,
Где парень шел —
Там овёс взошел.
Подайте под кумушку
Денежку или конфеточку!

С этой особенностью — в каждой деревне свой вариант «кумушки» — мы встречались часто. Вариативность наблюдается чаще в словах, реже в мелодике, не выходя при этом за рамки традиции жанра в целом. Вероятно, песня-«кумушка» являлась своеобразной «визитной карточкой» деревни, маркировала пространство семицко-троицкого периода, служа верным опознавательным знаком в ряду «свои — чужие». Так, на Троицу в пос. Давыдово мы наблюдали интересную картину: одновременно на одной из улиц праздничный обход дворов совершали пять групп детей. Воздух звенел от весенней стереофонии! Услышав же песню, местные жители безошибочно определяли: «Эти — из Барского, а эти аж из Костино пришли...».

Неотъемлемый, центральный атрибут обхода дворов — украшенная березка, называемая в народе «кумушкой». В материалах наших экспедиций упоминается ее ряжение, разряживание, вождение, славление и хождение с ней. «Кумушка» — большая ветка березы, украшенная разноцветными тряпочками (в деревнях их часто называют клинушками, размер 1–3 см x 10–15 см), цвет — разный, «лучше поярче» (д. Ковригино). В д. Ефимово в 1996 году мы видели «кумушек», состоящих из трех или более небольших веточек. В д. Субботино огромную ветку наряжали, да колокольчик привязывали... Ленты были дефицит. И принимали только тех ходить, «кумушку» водить, кто принесет свои ленты и на «кумушку» повесит». Кроме того, березку украшали «бумажными цветами» (д. Субботино), «пустышками» («на макушечки шкарлупа ат яичка» (д. Костино).

По нашим наблюдениям, «кумушкой» местные жители называют не только украшенную березку, но и песню, исполняемую при хождении с ней. В таком случае говорят «петь» или «кричать кумушку»: «Вам “кумушку” спеть?» (д. Косино) или «Кричим все в голос, хорошо выходило» (д. Логиново).

Песни, сопровождающие семицко-троицкую обрядность исследуемого региона Восточного Подмосковья, на первый взгляд, представляют собой достаточно пеструю картину, где архаика соседствует с поздними элементами, типичные напевы — со специфически местными и т.д. Их классификация возможна на основании функционального подхода, опираясь на который мы выделяем:

- песни завивания/развивания березы;
- обходные песни.

К первой группе относятся песни, сопровождавшие этапы завивания и развивания березы. Они начинаются со слов: «Завивайся, берёзка» (вариант «Ты завейся, берёза»), повторяются три или более раз подряд и не содержат просьбы о подавании. Ко второму типу относятся троицкие песни, сопровождавшие праздничный обход дворов. Они начинаются со слов: «Ах ты, кумушка» (вариант: «Кума-кума», реже: «Берёза кудрява»), заканчиваются просьбой о подавании: «Подайте под кумушку!» или поздравлением: «С праздником, кумушка-кума!». Доминирующая функция песен первого типа — организация конкретного обряда завивания/развивания березы, песен второго типа — праздничные окликания⁸. Праосновой же того и другого, вероятно, был обряд кумления как «особая форма посестримства» [18, 198]. Кумой могла зваться как девушка или женщина, так и «семицкая береза»⁹. Последнее отчетливо прослеживается на материалах наших экспедиций.

Прямых свидетельств кумления мы записали немного. Но, как указывает В.К. Соколова, именно этот компонент уходит из семицко-троицкой обрядности в первую очередь¹⁰.

Связь, существовавшая между завиванием берез и кумлением в описываемом регионе, прослеживается при сопоставлении двух записей. Так, в д. Глебово нами записан фрагмент песни «Ты завейся, берёза». По словам информантов, ее пели при завивании. По поводу этой же песни, но записанной двадцатью годами раньше, С.И. Пушкина замечает: «В старину при этом кумились: две девочки, присев на травяные кочки, съедали принесенные в лес пироги, обменивались яйцами, остатки еды оставляли кукушке. С этой же песней возвращались из леса домой с березовыми веточками» [5, 375].

В приведенном выше фрагменте прослеживается существенная особенность песен типа «Завивайся, берёза»: они звучат не только в момент завивания/развивания березки, но и во время шествия в деревню и по деревне: «Мы теперь все по сучочку сломали у берёзе у другой, тряпочек красивеньких навяжем и идём из лесу в деревню. Идём, пляшем и берёзкой машем: “Завивайся,

берёзка". Вот это только все твердили» (д. Обухово). Подобные пояснения даются практически обо всех записанных нами песнях этого типа (5 записей). Их бифункциональность зафиксирована нами в д. Минино, Бахтеево, Обухово и др. В нашем распоряжении имеются и другие сведения, позволяющие заметить, что песни типа «Завивайся, береза» озвучивали ряд моментов семицко-троицкой обрядности, а также предположить, что это были этапы, предшествующие кумлению и следующие за ним.

О песнях второго типа, сопровождавших праздничный обход дворов, сведений в этнографической литературе чрезвычайно мало. Архаичные корни обряда и их несомненная связь с кумлением убедительно выявляются при анализе словесного текста. Язык песен этого типа традиционен, характеризуется наличием устойчивых словосочетаний, эпитетов. Структура текста состоит из определенных сюжетных мотивов, количество которых ограничено. Мы выделяем следующие композиционные мотивы¹¹:

- обращение-благпожелание;
- приход славельщиков¹² к березе-«кумушке» и подношение ей угощений;
- мотив положительных свершений (аграрная магия);
- просьба о подавании (поздравление с праздником).

Обращение в описываемых песнях всегда двойное: «кума-кума», «кумушка-кума», «кумушка-голубушка», «берёза кудрява». То, что «кума» и «берёза» находятся в одинаковой позиции обращения, лишний раз свидетельствует об их синонимичности. Далее, как правило, содержится продуцирующее благопожелание: «завивайся, душа», «расти, толсти», «расти больша сы вершины высока, листом широка». Сообщение о приходе славельщиков лаконично: «мы к тебе идём», «к тебе девки шли, и ребята шли», «я на лето приду».

Основное угощение — «яичко» или «яишенка». Оно упоминается во всех анализируемых нами текстах. Обычай собирать яйца для ритуальной трапезы на Троицу зафиксирован в Восточном Подмосковье М.Б. Чернышевой [20, 120]. В.К. Соколова считает, что поедание яичницы в семик (или троицу) — «это своего рода братчина, скреплявшая, как и кумление, девичий союз» [18, 205]. Кроме того, к березе-«куме» несут «пшойничек», «драчойничек» и мучные изделия («честной пирог», «хлебца по кусочку, блинца по блиночку»), реже — «графин вина». Налицо традиционная обрядовая общерусская пища, имеющая продуцирующий (воздействующий на будущий урожай и приплод) характер. Вероятно, угощение может рассматриваться и в функции дара.

Следующий композиционный этап текста можно назвать мотивом аграрной магии (положительных свершений):

Где девки шли —
Там цветы цвели,
Где ребята шли —

Там рожь густа,
Оборотиста...

(д. Аринино).

Где парни шли —
Там(а) семечки взошли.

(д. Обухово).

Где кум прошёл —
Там овёс взошёл,
Где кума прошла —
Там рожь взошла...

(д. Ковригино).

Вербальный текст выстраивает яркий акциональный ряд, где дается описание символического действия и его продуцирующий результат. «Это по существу уже заклинание», — пишет В.К. Соколова, анализируя подобный пример, записанный Г.К. Завойко в 1914 году в Судогодском уезде Владимирской губернии [18, 210]. В целом, вышеприведенные тексты, на наш взгляд, свидетельствуют об аграрно-магическом, продуцирующем характере как анализируемых песен, так и самого обряда троичного обхода дворов с березкой.

И последним композиционным мотивом текста является просьба о подаении: «Подайте под кумушку яичко или копеечку!» (д. Субботино и др.) или поздравление: «С праздником!» (д. Назарьево и др.). Объединение двух мотивов в одном тексте приводит к тому, что просьба о подаянии звучит скорее как требование о вознаграждении:

А что спели мы вам —
Расплатитесь,
Лучше с нами поделитесь!
С праздником, кумушка-кума!

(д. Ляхово) .

Таким образом, совершаемое действие имеет все черты традиционного поздравительного обхода дворов.

Основой песенной семицко-троицкой обрядности региона становятся формульные напевы, своеобразные мелодические «архетипы», маркирующие звуковое пространство обрядового периода. Таких напевов в Гуслицах два:

1. «Завивайся, берёза»;
2. «Ах ты, кумушка».

Их характеризует как ряд схожих черт, так и определенные различия, наглядно представленные в сводной таблице.

Факторы	Формульный напев I типа «Завивайся, береза»	Формульный напев II типа «Ах ты, кумушка»
Тип формы	Простая периодичность AAAA мелодия ABCD текст	Простая периодичность AAAA мелодия ABCD текст
Амбитус	Квинта	Кварта
Интервалика	Скачок вверх с последующим секундово-терцовым движением вниз	Сопоставление секунды и кварты
Лад	Полная диатоника	Ангемитонный трихорд в кварте
Фактура	Гетерофония	Монодия
Структурообразующий фактор	Плясовая моторика, активизирующая двигательную составляющую мелодии и др.	Активное (призывное) скандирование

Главной типологической особенностью, объединяющей все описываемые троицкие песни, оказывается соотношение музыкального и словесного компонентов на основе компактной повторяющейся мелострофы, типа AAAA м/ABCD т. Форма музыкально-временной организации характеризуется постоянным количеством музыкальных времен (восемь восьмых) при подвижной слоогоколичественности (4–8 слогов, в зависимости от накладываемого текста).

Ритмоформуле троицких напевов свойственна простая организация, ритмический инвариант: ♪♪♪♪ . Основные различия проявляются на уровне мелодической и ладовой организации, фактуры и структурообразующего фактора. Для формульного напева первого типа («Завивайся, берёза») характерным является широкий мелодический скачок вверх с последующим нисходящим секундо-терцовым заполнением (*пример 1*). Мелодия основана на диатонике, первый звук обладает признаками латентного устоя. Напев излагается в гетерофонной фактуре. Его существенным структурообразующим фактором является плясовая моторика, активизирующая двигательную составляющую. Связано это с тем, что песня исполнялась во время шествия с березкой с приплясыванием и помахиванием веточками.

Пример 1

Музыкальный пример 1. Две строки нотной записи на пятилинейных скрипках. Первая строка начинается с темпового знака $\text{♩} = 124$. Под первой строкой напечатаны слова: «За - ви - вай - ся, бе - рё - зка, за - ви - вай - ся, куд - ря - ва!». Вторая строка нотная, под ней напечатаны слова: «Мы к те - бе и - дём, па я - и - чку не - сём...». Музыкальный ритм основан на восьмых долях.

Формульному напеву второго типа («Ах ты, кумушка») свойственна прежде всего афористичность, интонационная лаконичность. Он строится на оппозиции двух нисходящих интонаций — узкой (б. 2) и более широкой (ч. 4). Это попевка из мира скандирования, она наиболее часто встречается в наших материалах.

Пример 2

Ай, ты, ку - му - шка - ку - ма, Зы - ви вай - ся, ду - ша!

Мы на ле - та при - дём, Па я - и - чку при - не - сём,

па пы - ши - чки, пы ли - пё - ши - чки.

Ладовая организация формульного напева второго типа — ангемитонная форма квартового тетрахорда с особыми мелодическими функциями каждого из трех тонов, составляющих в совокупности напев. Верхний тон является начальным, средний (вспомогательный) приходится на момент музыкального и словесного акцента, нижний (конечный) — основной устой. Напев излагается одногласно. Его структурообразующим фактором оказывается активное скандирование, призывная декламация, роднящая с закличками ранне-весенней обрядности.

К группе троицких календарных песен второго типа мы относим и речитации (в таком случае называем их песнями лишь условно). Это скорее ритмическое скандирование-выкрикивание со спадом голоса в конце строфы (точная нотная фиксация таких примеров невозможна). При этом ощущается некий обобщенный звуковысотный рисунок, состоящий из чередования двух интонаций — узкой и более широкой. Вероятно, речитации представляют собой этап допесенного интонирования формульного напева.

Кроме того, в семицко-троицкой песенной обрядности Гуслицкого региона представлены напевы, которые мы условно назвали «периферийными». Они характеризуются смешанными признаками: по функции относятся к песням второго типа (обходным), а по музыкальным признакам — к песням первого типа (завивания/развивания берез). Так, напев из села Ариново (пример 3) строится на варьировании музыкального звена, имеющего нисходящее секундово-терцовое строение. Для этого напева характерна смена устоя. Сначала

интонирование ведется широко (в объеме ч. 5), затем сужается до ч. 4. Заполняющая попевкой квинтовый амбитус, исполнительница не сразу находит традиционный для обрядовых песен, родственных закличкам, квартовый амбитус, устойчиво приходит к нему лишь в пятой строфе. В результате нижний устой перемещается на вторую ступень и на ней закрепляется.

Пример 3

Музыкальный пример 3 представляет собой мелодическую запись на шести пятилинейных системах. Каждая система содержит нотный текст и русские слова. Темп обозначен как 88. В начале первой системы стоит знак равенства и цифра 88. В конце первой системы и в начале второй системы есть ноты, которые не имеют слов под ними. В конце второй системы и в начале третьей системы есть ноты, которые не имеют слов под ними. В конце третьей системы и в начале четвертой системы есть ноты, которые не имеют слов под ними. В конце четвертой системы и в начале пятой системы есть ноты, которые не имеют слов под ними. В конце пятой системы и в начале шестой системы есть ноты, которые не имеют слов под ними. В конце шестой системы есть ноты, которые не имеют слов под ними.

Бе - рё - - - за, куд - ря - - - ва,
в ле - су ро - сла, ни вы - ра - сла,
к те-бе ку - му-шка и - дёт, по я- и - чку не - сёт,
па пшо - ни - чку, па дра - чо - ни - чку,
е - щё, ку - ма, гра - фин ви - на.
Ты, бе - рё - за хо - ро - ша, и пу - ши - ста - я!

Тот же принцип варьирования музыкального звена представлен в *примере 4*. Он интересен еще и тем, что происходит это под влиянием местного певческого стиля. Результат произошедшей трансформации напева ощущается в наличии мажорного наклонения и в гетерофонной фактуре¹³.

Интересен вариант «периферийного» напева из д. Субботино, представляющий собой обрядовый хоровод, исполняемый в контексте обхода дворов¹⁴. В данном случае варьируется не отдельное звено, а вся мелострофа, оставаясь узнаваемой в восходящем скачке и последующем секундово-терцовом движении вниз (*пример 5*).

Пример 4

$\text{♩} = 82$

Ой, ты, ку - му - шка - ку - ма, за - ви - вай - ся, ду - ша,

я на ле - то при - ду, по я - и - чку при - не - су,

по кар - жу - ши - н - ки, по ля - пё - ши - н - ки,

а мы де - во - чки хо - ро - шинь - ки!

Пример 5

$\text{♩} = 66$

Уж ты, ку - му - шка - ку - ма! Ра - сти ба - лыша,

сы вир - ши - ны вы - са - ка, ли - стом ши - ра - ка,

при - ди к ме - сту, при - ку - ри к ме - сту.

Мы к те - бе и - дём, па я - и - чку при - не - сём.

Уж ты, кумушка-кума!
 Расти больша,
 Сы вершины высока,
 Листом широка,

Приди к месту,
Прикури к месту¹⁵,
Мы к тебе идём,
По яичку принесём,
По кусочку, по блиночку,
По лепёшечки,
А ещё, кума,
Графин вина,
Там, где девки шли —
Там цветы цвели,
А парень шёл —
Та овёс взошёл.
Подайте под кумушку!

Последняя группа троицких обходных песен — с заимствованными напевами, в которых происходит наложение традиционного текста на мелодию плясового характера, типа «Ах вы, сени». При этом исчезает характерное для описываемых выше троицких песен фразовое соотношение текста и напева. Попутно заметим, что подобные примеры «осовременивания» на уровне словесного текста встречаются редко. Существует определенная тенденция к сокращению количества композиционных мотивов и прежде всего исчезает мотив аграрной магии.

Что же касается организации звучащего материала в целом, в период от Семика до Троицы, то в нашем случае наиболее реально обоснование его трехчастной формы типа АВА, где А — напев первого типа, звучавший в течение более длительного ритуального времени (завивание/развивание берез совершалось как минимум в течение двух дней), В — напев второго типа, сопровождавший обход дворов и озвучивавший непродолжительное действие, происходившее утром на Семик или Троицу.

В целом совокупность выявленных выше разновидностей троицких песен и сопутствующих им факторов характеризуют как состояние семицко-троицкой традиции Гуслицкого региона, так и процессы ее трансформации. Кроме того, на основании имеющихся фактов можно предположить, что исполняемый в наши дни в Гуслицах троицкий обход опирается на местную традицию бытовавшего здесь прежде весеннего обхода дворов.

Примечания

¹ Вопросы семицко-троицкой обрядности Подмосковья упоминаются в работах А.Б. Зерновой [6], Ю.Г. Круглова [8], А.В. Кулагиной [9], И.П. Сахарова [16, 17], В.К. Соколовой [18], В.Б. Сорокина [19], В.И. Чичерова [15]. Интересны троицкие песни и комментарии к ним в записях С.И. Пушкиной [11, 13]. Этномузыкологический аспект проблемы затронут в статье

М.Б. Чернышевой [20]. Записи последних лет представлены в публикации Е.Г. Борониной [5]. Мы опираемся на записи, сделанные в Восточном Подмоскowie в 1995–2001 годах в ходе фольклорно-этнографических экспедиций Московского педагогического колледжа (МПК) №12 (рук. Е.Г. Боронина, научн. консультант М.Б. Чернышева). Методом сплошного обследования пройдено 187 населенных пунктов пяти районов Восточного Подмоскowie: Павлово-Посадского (дважды), Раменского (дважды), Шелковского (дважды), Орехово-Зуевского и Шатурского. Большая часть записей производилась на Троицу (дважды — в Семик), в ситуации реально выполняемого обряда.

² Гуслицы — известный старообрядческий центр Подмоскowie, объединяющий около 80 деревень Орехово-Зуевского, Егорьевского, Павлово-Посадского и Раменского районов. «Из гусликов мы», — не раз сообщали нам сторожилы Орехово-Зуевского района. Примечательно, что жители прилегающих к нему районов также ощущают себя частью гуслицкого региона: «Мы — “заход”, без “захода” нет Гуслиц», — сообщил нам В.Ф. Ситнов из Павлово-Посады. Именно факт исторической и культурной общности позволяет при анализе рассматривать данную территорию как единое целое.

³ К.И. Урусова имеет по матери старообрядческие корни. В ее памяти хранятся подробности действия, еще исполняемого в этих местах перед войной. Запись выполнена Е.Г. Борониной в 1998 году на Семик.

⁴ Полденка — небольшое ведро, в которое доили молоко дневной дойки, приходившейся на полуденное время.

⁵ «Хороводы на Троицу водили, но я не знаю какие. Мне мама рассказывала: они где-то ходили, водили хороводы меж деревнями. Определенные места были — широкие поля... Рядились. Обязательно одна деревня в желтых платках, другая — в красных. Какое-то различие деревни имели и водили каждый свои хороводы, по отдельности. А потом уж плясали вместе...» (д. Коробовская).

⁶ В приведенном фрагменте обращает на себя внимание появление все той же песни на новом этапе — развивания березки.

⁷ Существование подобного обряда в небольшом кругу деревень Орехово-Зуевского района отмечает М.Б. Чернышева [20, 118–130], упоминает В.Б. Сорокин [15, 29]. Нами же за последние шесть лет записано более 30 подобных примеров и большая часть из них — в ситуации реально исполняемого троцкого, а дважды даже семицкого обрядов.

⁸ Ю.Г. Круглов отделяет песни первого типа от песен второго типа, соответственно относя первые к ритуальным, а вторые к заклинательным. Обосновывает он свое мнение, указывая на их «разное обрядовое назначение» [8, 40]: «Ритуальные песни способствуют формированию ритуала... Функция заклинательных песен иная — продуцирующие и предохранительные действия». По его мнению, отличаются они и некоторой особенностью художественных средств. Хотя те и другие имеют значительное сходство благодаря своим формальным признакам.

⁹ Интересные сведения сообщает И.П. Сахаров [17, 305]: «В Тульской губернии семицкая береза называется кумою. В замосковских селениях мужчину с березкою в руке называют кумом, а девицу в венке кумою». В словаре В.И. Даля [4, 559] помещена информация о том, что «кумушка» в Вологодской области — «последний именинный сноп с поля». Соотнеся это с нашим материалом, можно предположить, что весенняя «семицкая кума» и осенняя дожиночная маркируют крайние периоды вегетации злаков и напрямую связаны с культом растительности.

¹⁰ «Кумление забылось раньше, чем завивание, <...> но еще в конце XIX в. кумились во многих местах, где завивали березки. Можно думать, что оба эти действия составляли один обряд» [18, 197].

¹¹ Явно прослеживается параллель с зимней обрядностью — колядками, таусениями и др. Можно привести множество аналогий на различном уровне, которые в совокупности позволяют предположить, что в Подмоскovie могла существовать местная разновидность волоочебного обхода, исполняемого весной как воспоминание о древнем праздновании Нового года, совпадавшем с весенним равноденствием.

¹² Назвать группу участников троицкого обхода дворов, вероятно, можно как ходоками, так и славельщиками на основании того факта, что само совершаемое действие они называют «ходить с кумушкой» (чаще) или «славить кумушку».

¹³ Подобные примеры записаны нами в д. Аверкиеве, Минино, Субботино, там, где существуют аутентичные ансамбли, поющие местные песни многоголосно.

¹⁴ Большакова Л.С., 1923 г.р., хранительница традиции из д. Субботино, описывает вариант такого хоровода: «Собирались девки в основном и к каждому дому подходили. Стоит в середине парень, держит “кумушку”, а другие всё яичко в платочек носовой завертывали. Вот промеж пальцев яичко, а тут концы платочка. Хозяйка яичка держит яичко, а соседка берёт за платочек и кругом ходят... (пример 4). Вот девчата погремят колокольчиком и подавали, кто яичко, кто денег... Вся компания, которая ходит по улице, корзинку носили и устраивали пир». Хореография второго хоровода, записанного в этой же деревне, отличается от первого тем, что вокруг березки ходили две девушки, а остальные стояли кругом. Все также переходили от дома к дому и собирали угощение. Местные жители называют совершаемое ими действие — «водить “кумушку”». В названии просматривается аналогия с существующими весенними локальными обрядовыми комплексами: вождение «куста» (бел.), вождение «тополя» (укр.).

¹⁵ Происходит явная замена слов, ведущая к потере смысла. В деревнях рядом поют: «Приземиста, прикуремиста».

Комментарии к нотным примерам

Расшифровки выполнены автором статьи.

Пример 1. Записано Борониной Е.Г. в 1998 г. в с. Минино Раменского района Московской области от Тузенковой Н.С. (57 лет), Гладкиной Т.В. (86 лет), Сивовой В.А. (60 лет), Заберускиной Е.Н. (73 года), Межуевой Т.С. (71 год) и др. Исполняется на Семик при завивании берез и Духов день — при развивании.

Пример 2. Записано в д. Митино Павлово-Посадского района Московской области от Фединой А.Ф. (65 лет).

Пример 3. Записано в 1997 г. в д. Аринино Фоменского района Московской области от Панфиловой Т.М., 1936 г.р.

Пример 4. Записано в д. Аверкиеве Павлово-Посадского района Московской области в 1996 г. Борониной Е.Г. Исп. фольклорный ансамбль.

Пример 5. Записано Борониной Е.Г. в д. Субботино Павлово-Посадского района Московской области от Большаковой Л.С., 1925 г.р.

Литература

1. Байбурун А. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. М.; Л., 1990.
2. Восточно-славянский фольклор: Словарь. научной и народной терминологии. Минск, 1993.

3. *Гилярова Н.Н.* Весенние песни Пензенской области (от песни к празднику) // Музыка устной традиции: материалы международных научных конференций памяти А.В. Рудневой. М., 1999.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994.
5. Детский фольклор. Частушки. Серия «Фольклорные сокровища Московской земли». Т. 4. М., 2001.
6. *Зернова А.Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Советская этнография. 1932. № 3.
7. *Квитка К.В.* Избранные труды. Т. 1. М., 1991.
8. *Круглов Ю.К.* Русские обрядовые песни: Учебное пособие. М., 1982.
9. *Кулагина А.В.* Поэзия календарных и семейных праздников Москвы и Подмосковья // Игры и праздники Московии. М., 1998.
10. *Леонова Н.В.* О принципах словаря ритмических элементов восточнославянской обрядовой мелодики // Народная культура Сибири. Материалы VII научно-практического семинара сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 1998.
11. *Новикова А.М., Пушкина С.И.* Русские народные песни Московской области. Вып.1. М., 1986.
12. *Пашина О.А.* Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998.
13. *Пушкина С.И.* Русские народные песни Московской области. Вып. 2. М., 1988.
14. *Рубцов Ф.А.* Статьи по музыкальному фольклору. М.; Л., 1973.
15. Русское народное поэтическое творчество: Пособие для вузов. М., 1954.
16. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. М., 1997.
17. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Репринтное издание. СПб., 1835.
18. *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979.
19. Фольклор Московской области: Календарный и детский фольклор. М., 1979. Вып. 1.
20. *Чернышева М.* Троицкий обряд. Народная музыка Восточного Подмосковья // Музыкальная академия. 1996. № 2.